

Г Л А С

CDXXVIII

ОДЕЉЕЊЕ ИСТОРИЈСКИХ НАУКА

КЊИГА 18

ACADEMIE SERBE DES SCIENCES ET DES ARTS

GLAS

CDXXVIII

CLASSE DES SCIENCES HISTRIQUES

N° 18

Reçu à la VI séance de la Classe des sciences historiques le 28 juin 2017

Rédacteur

MIHAILO VOJVODIĆ
Membre de l'Académie

BEOGRAD
2018

СРПСКА АКАДЕМИЈА НАУКА И УМЕТНОСТИ

Г Л А С

CDXXVIII

ОДЕЉЕЊЕ ИСТОРИЈСКИХ НАУКА

КЊИГА 18

Примљено на VI скупу Одељења историјских наука од 28. јуна 2017. године

У р е д н и к
академик
МИХАИЛО ВОЈВОДИЋ

БЕОГРАД
2018

Издаје
Српска академија наука и уметности
Београд, Кнез Михаилова 35

Технички уредник
Мира Зебић

Лектор
Младенка Савичић

Коректори
Невена Ђурђевић
Снежана Крсчић-Букарица

Тираж
300 примерака

Штампа
ПЛАНЕТА ПРИНТ, Београд

C A Д P Ж A J

Михаило Војводић, <i>Милораг Екмечић (1928–2015)</i>	1
Василије Ђ. Крестић, <i>Бечкеречки програм</i>	9
Vasilije Dj. Krestić, <i>Bečkerek Programme</i>	18
Десанка Ковачевић-Којић, <i>Двојно књиговодство у Дубровнику и Бенко Котруљевић (нови погледи)</i>	19
Desanka Kovačević-Kojić, <i>Double Entry Bookkeeping in Dubrovnik and Benko Kotruljević (New Aspects)</i>	34
Михаило Војводић, <i>Србија и балкански ратнови</i>	37
Mihailo Vojvodić, <i>Serbia and the Balkan Wars</i>	48
Гојко Суботић, <i>Ко су биле монахиње Јефимија и Евпраксија из најпачице на влашцици манастира Пућине?</i>	51
Gojko Subotić, <i>Who Were Nuns Jefimija and Evpraksija From the Inscription on the Epitaphion of Putna Monastery?</i>	61
Љубодраг Димић, <i>Повраћац у Европу. Југославија и питање европске безбедности на преласку из 60-их у 70-е године XX века</i>	63
Ljubodrag Dimić, <i>Return to Europe. Yugoslavia and the Question of European Security at the Turn of the Decade – from the 1960s to the 1970s</i>	95
Славенко Терзић, <i>Скадарски вилајет у другој половини XIX века. Опис руског конзулата у Скадру 1876. године</i>	97
Slavenko Terzić, <i>Vilayet of Skadar in the Second Half of the 19th Century. Description of the Russian Consulate in Skadar in 1876</i>	110

Рајко Кузмановић, <i>Улога науке и академија у развоју друштва</i>	111
Rajko Kuzmanović, <i>The Role of Science and Academies in the Development of the Society</i>	121
Christer Jorgensen, <i>Igniting the East. The Causes and Consequences of the 1875 Peasant Revolt in Bosnia-Herzegovina</i>	123
Кристер Јоргенсен, „Запалили и стојок“. Узроци и последице Босанско-херцеговачког устанка 1875. године	148
Душан Т. Батаковић, <i>Нови ревизионизам и стари стереотипи? Историографија о Србима и Србији након 1991. године</i>	149
Dušan T. Bataković, <i>New Revisionism and Old Stereotypes? On post-1991 Historiography on Serbs and Serbia</i>	170
Срђан Рудић, <i>Брачне везе босанске власите</i>	173
Srđan Rudić, <i>Marital Links of Bosnian Nobility</i>	188
Душан Берић, <i>Средњовековни почеци мађаризације</i>	189
Dušan Berić, <i>The Medieval Beginnings of Magyarization</i>	207
Марица Маловић Ђукић, <i>Которска патрицијска породица Бисте у средњем веку (14. и 15. век)</i>	209
Marica Malović Đukić, <i>Kotor Patrician Family of Biste in the Middle Ages (14th and 15th Centuries)</i>	222
Никола Б. Поповић, <i>Негоумице о Начертанију</i>	225
Nikola B. Popović, <i>Dilemmas About Načertanije</i>	251
Слободан Шоја, <i>La saga napoléonienne en Bosnie dans l'histoire et la littérature</i>	253
Слободан Шоја, <i>Наполеонска сага у Босни у историји и књижевности</i>	264
Маја Лаковић, <i>Руско посланство у Константинопољу и грчко-бугарски црквени спор (1856–1861)</i>	267
Maја Laković, <i>Russian Embassy in Constantinople and Greek-Bulgarian Ecclesiastical Dispute (1856–1861)</i>	280
Бранко Бешлин, <i>Борба либерала за превласћу у Друштву српске словесности и Матици српској (1864–1866)</i>	281
Branko Bešlin, <i>Struggle of Liberals for the Supremacy at the Society of Serbian Letters and Matica srpska (1864–1866)</i>	298

Борђе Микић, <i>Италијанизација у Трсту и околини у другој половини XIX века</i>	301
Đorđe Mikić, <i>Italianisation in Trieste and the Environs in the Second Half of the 19th Century</i>	327
Неделько В. Радосављевић, <i>Српска православна црквеношколска оштина у Мостару</i>	329
Nedeljko V. Radosavljević, <i>Serbian Orthodox Church-Educational Municipality in Mostar</i>	349
Константин В. Никифоров, <i>Короткий балканский век перед Великой войной</i>	351
Константин В. Никифоров, <i>Крајњи балкански век уочи Великог рата</i>	361
Милош Ковић, <i>Босна и Херцеговина и Сарајевски атентат у британској штампи (29. јун – 2. јул 1914)</i>	363
Miloš Ković, <i>Bosnia and Herzegovina and the Sarajevo Assassination in the British Press (29 June – 2 July 1914)</i>	372
Александар Растовић, <i>Сетон Војсон о српској политичкој елити</i>	375
Aleksandar Rastović, <i>Seton-Watson About the Serbian Political Elite</i>	395
Петар В. Крестић, <i>Александар Арнаутовић, Из предгробних мемоара (Рат/Војска/Кабинет министра/Бугарски рат/Албанија/Посланство у Паризу)</i>	397
Petar V. Krestić, <i>Aleksandar Arnautović, From Pre-Grave Memoirs (War/Army/Minister's Cabinet/Bulgarian war/Albania/Embassy in Paris)</i>	413
Душан Топаловић, <i>Развој шведско-српских трговинских веза и конзуларних односа до 1914. године</i>	415
Dušan Topalović, <i>Review of Development of the Swedish-Serbian Trade and Consular Relations Until 1914</i>	441
Боривоје Милошевић, <i>Владимир Ђоровић на Велеиздајничком процесу у Бањој Луци 1915–1916. године</i>	443
Borivoje Milošević, <i>Vladimir Ćorović at the High-treason Process in Banja Luka in 1915–1916</i>	460
Биљана Вучетић, <i>Стенли Харџ Озборн, амерички лекар у Србији 1915. године</i>	461
Biljana Vučetić, <i>Stanley Hart Osborn, An American Doctor in Serbia in 1915</i>	475

Jean-Paul Bled, <i>Le mythe de François-Joseph</i>	477
Жан-Пол Блед, <i>Франц Јозеф и његов мит</i>	484
Јована Шалјић, <i>Осман Ђикић и његов џајрећ</i>	485
Jovana Šaljić, <i>Osman Đikić and his Struggle</i>	500
Горан Латиновић, <i>Југословенско-италијански економски односи (1934–1936)</i>	501
Goran Latinović, <i>Yugoslav-Italian Economic Relations (1934–1936)</i>	510
Мира Радојевић, <i>Демокрајтска сјџранка и Сјоразум Цвејковић–Мачек</i>	513
Mira Radojević, <i>Democratic Party and the Cvetković–Maček Agreement</i>	531
Драга Мاستиловић, <i>Срби из долине Неретве и Сјоразум Цвејковић–Мачек 1939. џодине</i>	533
Draga Mastilović, <i>Serbs From the Neretva Valley and the Cvetković–Maček Agreement of 1939</i>	549
Војислав Павловић, <i>Мисија Вилијема Донована на Балкану, јануар–фебруар 1941.</i>	551
Vojislav Pavlović, <i>Mission of William Donovan in the Balkans January–February 1941</i>	564
Зоран Лакић, <i>Црна Гора у научном гјелу академика Милорада Екмечића</i>	565
Zoran Lakić, <i>Montenegro in the Scientific Work of Academician Milorad Ekmečić</i>	572
Е. Ју. Гуськова, <i>Сообщения ЦК КПЮ о состоянии межнациональных отношений в республиках Югославии в первое десятилетие после второй мировой войны</i>	573
Јелена Гускова, <i>Извештаји ЦК КПЈ о сјању међунационалних односа у рејубликама Југославије у првој деценији после Другог свејског рајта</i>	586

Одељење историјских наука Српске академије наука и уметности посвећује овај број Гласа академику Милораду Екмечићу који је у њој провео више деценија најпре као члан ван радног састава, да би потом био преведен у статус редовног члана. Академик Милорад Екмечић је био оснивач и дугогодишњи председник њеног Одбора за историју Босне и Херцеговине и члан више других одбора. Са успехом је обављао и дужност члана њеног Председништва. Академик Екмечић је био један од најугледнијих српских историчара, чије стваралаштво представља научну заоставштину немерљиве вредности. Његови радови јединствени су по богатој подлози која му је послужила за аналитичко расуђивање и синтетичко излагање. Оригинална тумачења и бриљантни закључци, исказани једноставним али изражајним језиком, зрачили су код њега особитом свежином.

Овај зборник садржи 33 оригинална рада и уводни рад посвећен академику Милораду Екмечићу. Потпуна библиографија радова академика Екмечића објављена је у традиционалној серији библиографија угледних академика.

Редакциони одбор

ЧЛАНОВИ РЕДКЦИОНОГ ОДБОРА:

МИХАИЛО ВОЈВОДИЋ, уредник
ВАСИЛИЈЕ КРЕСТИЋ
ДЕСАНКА КОВАЧЕВИЋ-КОЈИЋ
ГОЈКО СУБОТИЋ
ЉУБОДРАГ ДИМИЋ
СЛАВЕНКО ТЕРЗИЋ
МИЛОШ КОВИЋ, секретар

Е. Ю. ГУСЬКОВА

СООБЩЕНИЯ ЦК КПЮ О СОСТОЯНИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКАХ ЮГОСЛАВИИ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Закончилась Вторая мировая война. Она была трудной для народов Югославии. Страна была расчленена оккупантами на части, в разделе её территории участвовали Германия, Италия, Венгрия и Болгария. В каждой оккупационной зоне создавались режимы с широким репрессивным аппаратом. Уже с лета 1941 г. в стране начинает развёртываться диверсионное движение против оккупантов, что вызвало ответную реакцию гитлеровцев в отношении гражданского населения – массовые казни, уничтожение сёл, взятие заложников, открытие концлагерей. Особенностью Югославии было то, что на её территории действовало несколько антиоккупационных движений: стихийные сербские выступления против усташей в НГХ, освободительное движение под руководством КПЮ, этническое движение под командой полковника Дражи Михайловича, стремившегося воссоздать королевские вооружённые силы, бороться против оккупантов и восстановить монархию во главе с династией Карагеоргиевичей. Два последних антифашистских движения никогда не слились в единый антифашистский фронт, часто воевали между собой. Движение под руководством КПЮ оказалась более организованным, масштабным. Партизанское движение сопротивления, начавшееся как антифашистское и антиоккупационное, постепенно приобрело черты всенародного восстания за независимость и народную власть, за равноправие всех народов Югославии.

К середине мая 1945 г. завершилась война в Югославии, страна была полностью освобождена от армии нацистской Германии, понесла огромные потери среди мирного населения. В ходе антифашистской войны и становления новой власти влияние КПЮ росло быстрыми темпами. Под лозунгами социально-классовых перемен и национально-демократических мер в стране устанавливался коммунистический однопартийный режим. При этом национальный вопрос оставался весьма важным в столь многонациональном обществе, поэтому коммунисты подчёркивали, что новая Югославия будет строиться на федеративной основе, которая обеспечит полное равноправие народам Сербии, Хорватии, Словении, Македонии, Черногории, Боснии и Герцеговины.

Ещё в период становления государственных структур, задумывая осуществить сбалансированную структуру федеративных отношений, партия проводит большую работу по, говоря современным языком, мониторингу ситуации в разорённых войной освобождённых частях страны – Боснии и Герцеговине, Черногории, Далмации, Македонии, Хорватии, Словении. В Архиве Югославии ситуацию, начиная с лета 1945 г., освещают документы двух видов: доклады партийных организаций с мест и отчёты инспекторских групп, посылаемых Белградом, в краевые комитеты КПЮ. Эти документы показывают, сколь трудной была ситуация на местах летом 1945 г. Документы отражают, прежде всего, состояние дел в партийных организациях, в экономике. Все наполнены планами деятельности, но для нас важно, в каком состоянии находились межнациональные отношения, осложнённые политическими и идеологическими обстоятельствами войны и агрессии. Такие сведения в этих документах имеются.

Краевой комитет КПЮ по Боснии и Герцеговине, сообщал в июле 1945 г., что в БиГ партийная организация КПЮ насчитывала всего 8700 человек, все – преимущественно крестьяне¹. При этом национальный состав членов партии был непропорционален составу населения: мало и мусульман, и хорватов. Новая коммунистическая власть не имела материальных ресурсов, среди народа ощущались «усталость, а кое-где и недовольство»². Из-за продолжавшихся действий усташеских и четнических отрядов, насчитывавших 11500 человек, люди чувствовали «неуверенность». Интересно, что и те, и другие (усташаи и четники), приходя в сёла, в основном занимались агитацией и призывали голосовать на предстоящих выборах: одни за Мачека, другие против Тита. Среди тех, кто сопротивлялся новой власти, партийцы из Сараева называли и «сербов-реакци-

¹ Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. V. К-XXI. Јед. описа 1. Покрајински комитет КПЈ за Босну и Херцеговину. 13. јул 1945.

² Там же.

онеров», т.е. националистов, продолжающих мстить мусульманам. Они особенно сильны в опустошённой войной Козаре, призывают голосовать за короля, чтобы победить коммунистов. «Мусульманские массы» дезориентированы, неорганизованы, растеряны, говорится в документе. При этом коммунисты имеют очень слабое влияние на мусульман и хорватов. Да и сербы, как видим, разъединены по идеологической линии. Хорваты находятся под большим влиянием католических священников и Хорватской крестьянской партии. Чтобы изменить ситуацию, коммунисты арестовывают католических священников и передают их суду. Межнациональная напряжённость, вероятно, стала причиной того, что в Герцеговине, а также районах Гламоча, Дрвар и Купрес сербы выразили большое желание переселиться в Воеводину³.

По сообщениям 1946 г.⁴, серьёзного сближения между сербами и беспартийными мусульманами не произошло. На мусульманские массы, пишут в сообщении из БиГ, влияет «чаршия», что подразумевает влияние старой идеологии, неприятие новых веяний, связанных с построением нового общества во главе с коммунистами. Влияние коммунистов слабое, но водораздел проблем проходит по национально-классовым межам. В создаваемый в республике Народный Фронт (НФ), входили люди всех национальностей. Лидирующую роль в нём на себя пытались взять коммунисты. У них это слабо получалось, и с осени 1945 г. НФ в БиГ «замер»⁵.

Партийные инспекции 1949 г. сообщали из Боснии, что проблемы «мусульманских масс» остаются: сильное влияние религии, пассивность, национализм, нежелание снимать паранджу, сопротивление обучению детей в школах, нежелание сотрудничать с сербами, отпор экономическим нововведениям⁶. В БиГ национальное и социальное было тесно переплетено, и партийные организации не умели справиться с большим количеством проблем. Они продолжали быть актуальными и в следующие десятилетия.

В Македонии ситуация летом 1945 г. также продолжала оставаться напряжённой.

В годы войны Болгария присоединила к себе Вардарскую Македонию вплоть до Охридского озера. Западная Македония была оккупирована фашистской Италией, и была установлена албанская квислинговая

³ Директива Тито о переселении из БиГ в Воеводину 15 тыс. человек.

⁴ Централни комитет КП БиХ – ЦК КП Југославије, април 1946 // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. V.K-XXI. Јед. описа 2.

⁵ Там же.

⁶ Izveštaj o obilasku partijskih organizacija BiH // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. V.K-XXI. Јед. описа 3.

власть. Здесь действовал национал-фашистский Национальный фронт «Бали Комбетар» (балисты), выступавший за создание Великой Албании. Балисты имели свои добровольческие отряды, которые вместе с фашистами воевали против партизан не только на территории Македонии, но и в Косове. Их численность доходила до 7-8 тыс. человек⁷. Часть албанцев активно сотрудничала с фашистами, меньшая часть воевала на стороне партизан. В Западной Македонии, согласно имеющимся документам, в конце 1944 – начале 1945 г. сильным было стремление албанцев остаться в составе Албании.

Документы лета 1945 г. показывают, что говорить о стабильности в республике было рано. Через Македонию уходили албанские вооружённые группы из Косова в Грецию, в некоторых городах сильно было влияние Болгарии, ощущалась разьединённость и слабость партийных организаций, «реакция» на деятельность коммунистов была открытой.

В Македонии сложность межнациональных отношений определялась присутствием на её территории большого числа мусульманского населения – турок, албанцев и исламизированных македонцев. Национальный вопрос играл в Македонии значительную роль. Албанцы не хотели поддерживать новую власть, поскольку были уверены, что они должны осуществить свои национальные чаяния в рамках самостоятельного албанского государства. В сообщении ЦК КП Македонии в июне 1945 г. говорилось, что в крае наблюдается классовое расслоение, что рабочий класс охвачен подъёмом и желанием защитить собственные и государственные интересы, чего не наблюдается у мусульман (албанцев и турок)⁸. Македонские коммунисты, судя по документу, опасались массовых проявлений сербского и македонского шовинизма, но разграничивали «своих» и «чужих», т.е. переселившихся колонистов.

В июне 1945 г., как сообщали в Белград македонские коммунисты, в Македонии до освобождения (т.е. во время войны) среди гражданских было всего 365 коммунистов, 270 из которых имели стаж от 3 до 5 месяцев. А среди военных – 2300. «Освобождение застало партийную организацию небольшой, организационно слабой, разрозненной, неподготовленной, неопытной, чтобы сориентироваться в новых условиях»⁹. А в июне 1945 г. в партии состояли уже 6077 чел., из них большинство (5731) – македонцы. Но были и албанцы (89), турки (106), вlahи (49), сербы (65),

⁷ Малковски Г. *Политичките партии и организации во Македонија во Втората светска војна 1941–1944 година*. Скопје, 2002. С. 233.

⁸ Централни комитет КП Македоније – Централном комитету КП Југославије, јун 1945// Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. V. К-XXI. Јед. описа 8.

⁹ Там же.

словенцы (19), в небольшом количестве – чехи, русские, евреи и итальянцы¹⁰. В 1947 г. в партии состояли уже 522 албанца и 354 турка¹¹.

По сообщениям ЦК КПМ, в 1945 г. македонцы были заняты формированием властных структур, о национальном вопросе и меньшинствах не задумывались. Но жизнь показала, что взаимоотношения разных народов на территории одной страны нуждаются в пристальном внимании. Оказалось, что на выборах голосовали по национальному ключу: македонцы за македонцев, мусульмане за мусульман. В документах 1947 г. отмечалось, что «шовинизм македонского населения в отношении албанцев ... ещё достаточно силён в Тетовском, Гостиварском и Кумановском срезях»¹². И это значительно осложняло налаживание диалога и решение межнациональных проблем. После инициатив Белграда в документах македонской партийной организации появляются размышления о тех, кто живёт в Македонии наряду с македонцами: кроме албанцев упоминаются сербы – переселенцы (Куманово), вlahи и евреи (Битоль, Крушево), турки¹³. В послевоенной Македонии турки, албанцы и исламизированные македонцы составляли достаточно многочисленную прослойку населения.

По сообщениям СКМ, в первые два послевоенных года в Македонии реакционными считались «группы: великобългарские, ВМРО, великосербские, баллистические», которые действовали независимо друг от друга¹⁴. Все они были окрашены в национальные цвета и имели своих сторонников среди местного населения. Но их объединяло неприятие новой социалистической Македонии. А в 1947 г. они начали сотрудничать, дело доходило даже до совместных выступлений, когда саботировали отдельные экономические проекты новой власти. Это говорит о том, что в республиках сразу после войны происходил трудный процесс становления новой власти, которому сопротивлялись те, кто выступал с других идеологических позиций. Но, как правило, имело место (в Македонии, БиГ) разделение различных групп сопротивления по национальному признаку (баллисты – албанцы, младобосанцы – мусульмане, великосербские – сербы), что крайне осложняло социально-политическую ситуацию в республиках.

¹⁰ Там же.

¹¹ Годишња извештај ЦК КПМ за 1947. год. // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. Бр. V.K-XXI, јед. 12.

¹² Там же.

¹³ Централни комитет КПМ – Централном комитету КПЈ. Јун 1945 // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. V.K-XXI, јед. 8.

¹⁴ Централни комитет КПМ – Централном комитету КПЈ. 10. 02. 1947 // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. V.K-XXI, јед. 12.

Согласно переписи 1948 г., в Македонии общая численность населения достигала 1 152 986 чел. Из них македонцев было 789 648, албанцев – 197389, турок – 95940 чел.¹⁵. По официальной статистике, в 1953 г. мусульман в Македонии было 310469 чел., в то время как македонские ученые приводят цифру 390949 чел. Из них 12863 декларировали свою принадлежность к македонскому народу, а 10623 чел. считали себя «македонскими мусульманами»¹⁶.

В архивных материалах можно прочесть об антиправительственных настроениях в Тетове, в то время как македонцы в тех краях были достаточно пассивны и далеки от политической жизни¹⁷. В западной части Македонии и после освобождения было много албанцев, часть из которых имела гражданство Албании. В этих районах в первые годы после освобождения исламизированные македонцы в большинстве своем рассматривались как албанцы. Достаточно было иметь мусульманское имя, чтобы в документах тебя записали или как «албанец», или как «турок». В сёлах со смешанным населением ассимиляция шла намного быстрее. Как считают македонские ученые, религиозный фактор среди мусульман в первые послевоенные годы был значимым. В июне 1945 г. в Скопье прошёл Конгресс мусульман Македонии, на котором были избраны новые руководящие органы исламского религиозного сообщества Македонии¹⁸. Наибольший процент албанского населения, согласно переписи 1953 г., приходился на Тетовский срез (62,5%)¹⁹.

В Охриде активизировались «болгарофилы», скорее всего те, кто считал себя болгарами. Причём, партийное руководство, пожалуй, самую большую опасность сепаратизма видело как раз в «великоболгарских агентах», которые влияют на настроение населения. Упоминается даже случай, когда жители Охрида вышли на улицы встречать обычных болгарских шофёров, приехавших забирать какую-то мебель, с лозунгами «Болгары идут!». В народе говорили: «Зачем нам быть с сербами, когда нам болгары ближе во всём: совместная борьба через всю историю, мы братья по крови, у нас родственники в Болгарии...»²⁰.

¹⁵ Stanovništvo Jugoslavije u posleratnom periodu: Grafički prikaz statistike stanovništva. Beograd, 1988. str. 147.

¹⁶ Тодоровски Г. *Демографските процеси и промени во Македонија од почетокот на Првата балканска војна до осамостојувањето на Македонија*. Скопје, 2001. С. 299.

¹⁷ *Антифашистичко собрание на народното ослободување на Македонија*. Документи. Т. 1. Књ. 6. Скопје: Архив на Македонија. С. 81.

¹⁸ Тодоровски Г. Указ. соч. С. 293.

¹⁹ Информација по nekim pitanjima manjina u NR Makedoniji // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. Бр. XVIII-К.4, јед. 6.

²⁰ Централни комитет Комунистичке партије Македоније – Централном комитету Комунистичке партије Југославије. Јуни 1945 // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. V. К-XXI. Јед. описа 8.

В Македонии уже пытались как-то начать осуществлять лозунг «братства и единства» народов, но в некоторых областях встречали сопротивление. В ответ звучали опасения о наступлении «великосербства». Понимая, что национальный вопрос не обойти стороной, македонские коммунисты в 1945 г. намечали программу улучшения национального климата: коллективные акции по восстановлению разрушенных сёл, совместное участие в выборных органах власти, демонстрации братства и единства, борьба с шовинизмом²¹. Налаживая жизнь, македонские власти ставили задачу дать образование нацменьшинствам и включить их в общественно-политические процессы²².

В Македонии после войны половина албанского населения была неграмотной, а среди женщин эта цифра достигала двух третей. В 1945/1946 учебном году в республике были открыты 152 начальные школы и 4 восьмилетки с преподаванием на албанском языке с 12359 учащимися и 223 учителями, в 1946/1947 учебном году – 148 школ, в 1966/1967 учебном году – 256²³. В 1955 г. в Македонии среди албанцев было 500 учителей, 90 студентов и 30 человек с высшим образованием (в 1945 г. – 6)²⁴. При этом среди албанских школьников отмечалась слабая посещаемость. Часто родители заставляли детей работать дома, девочек вообще предпочитали оставлять без образования. Например, в 1955 г. в Тетовском срезе 480 учащихся из рядов национальных меньшинств не посещали основную школу, в Охридском – 330. Или в Тетове первый класс гимназии должны были посещать 343 албанца, а ходили только 126. Очень мало учащихся, закончивших школу, продолжали среднее специальное образование²⁵.

Открывались и турецкие школы. Уже в 1944/45 учебном году, согласно архивным данным, было 37 четырёхлетних турецких школ (3334 ученика), а в 1951/1952 учебном году – 144 четырёхлетние школы (13237 учащихся) и 14 восьмилетних (1188 учащихся)²⁶. Практически ни одно село с турецким населением в то время не осталось без школы. 246 учителей получили образование на курсах и в учительских школах. После

²¹ Там же.

²² Архив Македонији. Ф. 1.427. ЦК на КПМ/СКМ. К. 138.21/474–516; папка 1968.

²³ Батковски Т. Великоалбанската игра во Македонија. – Скопје: Мугри – 21, 1994. С. 58.

²⁴ Neka aktuelna pitanja neprijateljskog delovanja među učiteljima šiptarske manjine // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. Бр. XVIII-К.4, јед. 4.

²⁵ Informacija po nekim pitanjima manjina u NR Makedoniji // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. Бр. XVIII-К.4, јед. 6.

²⁶ Иселувањето на припадниците на турското национално малцинство од подрачјето на НРМ // Архив Македонији. Ф. 1.427. ЦК на КПМ/СКМ. К.72.1/1–67.

отъезда турецкого населения число турецких школ начало сокращаться: в 1955/1956 учебном году их стало на 39 меньше.

В столице после войны были сформированы 2 албанских и 4 турецких спортивных общества. Албанское культурно-художественное общество имени Эмина Дураку имело хоровую, фольклорную, политическо-воспитательную, библиотечную секции²⁷. В июле 1948 г. было создано культурно-художественное общество турецкого национального меньшинства, в которое записались 150 человек и около 500 человек активно участвовали в его работе. В обществе действовали музыкальная, театральная и художественная секции, хор²⁸. После 1956 г. деятельность турецких обществ постепенно сворачивалась или расформировывалась. Продолжали работу лишь фольклорный ансамбль, театр, издавались учебники и детская литература.

Албанцев и турок привлекали к работе в партийных и местных органах власти, согласно принципу пропорционального представительства. Сложность заключалась лишь в том, что среди албанского и турецкого населения было мало грамотных людей. Выдержать принцип пропорционального национального представительства удавалось не везде. Поэтому, например, в Кумановском срезе на 11 предприятиях на 157 служащих македонцев приходилось только 5 албанцев²⁹.

Общественно-экономические реформы в стране, коллективизация, национализация и экспроприация в первые послевоенные годы вызывали недовольство у части населения, особенно ремесленников, предпринимателей, зажиточных крестьян, среди которых было много мусульман. В партийных документах 1948 г. отмечалось, что македонские коммунисты с недоверием относятся к албанцам и туркам из-за их поведения в годы войны, поэтому албанцы «не ощущают себя равноправными гражданами, не считают народную власть своей и даже слегка её боятся»³⁰. В Тетове народ требовал официального открытия религиозных мусульманских школ.

Несмотря на желание македонских властей включить албанцев в общественную жизнь, имели место явления сопротивления новым порядкам. В одной из листовок нелегальной группы в Тетове в мае 1955 г. говорилось: «Мир знает, что Югославия создана на чужой территории.

²⁷ Информација о удружењима национаlnih мањина // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. Бр. VIII-К.3, јед. 16.

²⁸ Там же.

²⁹ Informaciја о nekim problemima nacionalnih manjina u Jugoslaviji // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. Бр. XVIII-К.4, јед. 8.

³⁰ Izveštaj о obilasku nekih partijskih organizacija u Makedoniji – 12. 1. 1948 g. // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. Бр. V.K.III, јед. 17.

Районы: Бар, Малесия (Черногория), Косово и Метохия, Куманово, Скопье, Полог и часть Пелагонии – это наша земля. В 1911 г. в Скопье и окрестностях проживали 90% албанцев. После массового террора со стороны сербов, а позже болгар, албанский народ был вынужден бежать. Сегодня в Скопье, столице Македонии, всего 60% албанцев. Сегодняшние правители, диктаторы и шовинисты не стыдятся говорить, что не хотят чужой земли. Да здравствует этническая Албания – Сильный союз (Форт Башкими)!»³¹.

Народная власть в Черногории устанавливалась медленно. Хотя большинство боеспособного населения воевало на стороне партизан, как писали из Краевого комитета КПЮ по Черногории ЦК КПЮ в июле 1945 г., общество было разделено и по вопросам четничества, и партизанства. Коммунистов летом 1945 г. было всего 4309 человек, включая и кандидатов. 67% партии составляли крестьяне. Большинством были приняты в партию в 1943 г.³².

Записка написана достаточно самокритично. К недостаткам коммунистов Черногории авторы относят: слабую теоретическую подкованность, невысокий уровень дисциплины, частое проявление безответственности, непродуманность принимаемых и исполняемых решений. Отмечалась малограмотность коммунистов – бывших военных, которых назначали на руководящие должности в срезские народные комитеты. При этом членство в партии давало преимущество в назначении на должность, что возмущало беспартийных людей. «Партийцы и в отношении народа не выказывают достаточно такта, часто поступают нервно, неправильно реагируют, что отражается на их популярности»³³.

Черногория, казалось, национальных проблем не имела. Однако в сообщении подчёркивалось, что албанское (Бар, Подгорица, Андриевац) и мусульманское (Плевле, Бераны, Белополе, Бар) население требуют особого внимания коммунистов. Отмечается влияние на албанцев католических священников и албанцев из Косова. Они не принимают идею братства и единства, и это накладывает особый отпечаток на будущую работу коммунистов Черногории. Интересным является ещё один факт. Не все жители этих областей определяли себя черногорцами, часть считали себя сербами. Авторы записки полагают определение части жителей Черногории как сербов результатом деятельности «реакции»³⁴.

³¹ Прилог бр. 29 // Батковски Т. Указ. Соч. С. 263.

³² Покрајински комитет КПЈ за Црну Гору – другарском Централном комитету КПЈ 12. јула 1945 г. // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. Бр. V.K.III, јед. 21.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

В 1957 г. была составлена более подробная записка Идеологической комиссии СК Черногории об албанском национальном меньшинстве в этой республике³⁵. В ней отмечалось, что албанцев в Черногории насчитывается 25 тыс. человек, в основном в срезях Цетиньском, Титоградском, Иванградском. Но албаноговорящих людей было больше, так как часть из них определяла себя черногорцами (таких в общине Бар 15 сёл). Есть чисто албанские сёла, а есть сёла со смешанным населением. В Черногории 415 семей одновременно имеют землю в Албании, а 115 семей в Албании владеют землёй и в Черногории, что в перспективе могло стать серьёзной проблемой при закрытии границы.

Коммунисты отмечают низкий уровень культуры албанцев, неграмотность, религиозность, примитивизм. Однако привлечение албанцев и мусульман к общественно-политической жизни ощущалось. После войны только в Титоградском районе в 10 школах учились 790 школьников-албанцев. Если в Ульцине до войны было семь школ, то за десять послевоенных лет построено 19 школ. Преподавание велось на албанском языке, параллельно школьники учили и сербский язык. Там, где албанцы были недовольны введением сербского языка, имели место проявления протеста. Кто-то уезжал даже учиться в Албанию.

Увеличилось число албанцев на выборных должностях. Так, все члены общинного комитета в Краине – албанцы, в Ульцине из 35 членов 17 – албанцы. Подобное положение и в других общинах, где проживали албанцы. Среди образованных албанцев, подчёркивается в записке, отмечается «национальный романтизм» и ирредентизм, что связано с ситемой образования. Большинство учителей в албанских школах плохо знают сербский язык, слабые знания имеют даже те, кто закончил учительскую школу в Приштине. Они, как привило, политически неподкованы, имеют «реакционные взгляды». В этой связи число албанцев коммунистов за десять послевоенных лет постоянно падало и составило в 1956 г. всего 1% от общего числа албанцев в Черногории. А с улучшением отношений с Албанией албанцы в Черногории стали открыто выражать недовольство своей жизнью в республике: их якобы прогоняют, денационализируют, создают плохие условия жизни. В записке отмечается, что подобные националистические идеи чаще всего приходят из Косова³⁶.

Хорватия сразу после войны переживала не лучшие времена. Во время Второй мировой войны она была союзником Германии, создала фашистское Независимое государство Хорватия. Усташа бесчинствовали, уничтожая сербское население. В 1945 г. Хорватия вошла в состав Югос-

³⁵ Кратка информација о шиптарској мањини на терену Црне Горе. // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. Бр. XVIII-К.IV, јед. 12.

³⁶ Там же.

лавии, большинство народов которой на своих плечах вынесло победу над фашизмом. Поэтому ситуация для хорватов была сложная: совсем недавно часть хорватов была на стороне фашистов, убивала сербов, уничтожала их в концлагерях, а теперь и тем, и другим предлагалось не только жить вместе, но и строить светлое будущее на идеях братства и единства.

Население было серьёзно поделено и не желало сотрудничать, некоторые хорваты не признавали новую власть. Сразу после войны, естественно, страсти не улеглись, новое руководство ещё не имело опыта работы, пытаясь наладить мирную жизнь в трудных условиях неприятия сербским и хорватским населением друг друга. В октябре 1945 г. хорватские коммунисты сообщали в Белград, что в Хорватии существуют и «реакционные» хорватские сёла, которые выступают «за Мачека», и сербские, что предпочитают монархию и короля. Ещё по сёлам ходят усташеские и четнические «элементы», которые агитируют народ, но, как говорится в документе, безуспешно. В партийных документах, которые посылались в Белград из Хорватии, села делились на «повстанческие» и «неповстанческие». К первым относились те, жители которых, преимущественно сербы, поднялись на восстание против фашистских оккупантов. Вторые же во время войны поддерживали хорватскую усташескую власть. В мирное послевоенное время отношения между такими сёлами оставались натянуты долгое время. Инструкторы ЦК КПЮ сообщали в 1950 г. из Хорватии о «неправильном отношении к хорватам», жившим в тех сёлах, откуда на войну уходили усташаи. Эти сёла себя продолжали считать бандитскими, а к хорватам относились «фронтально»³⁷.

Коммунисты с трудом создавали прочную партийную структуру как основу будущей политической системы. «Нельзя сказать, что в широких массах партия имеет тот авторитет, который должна иметь», отмечалось в сообщении инспекторских групп с территории Славонии в 1946 г.³⁸ Ещё долго в партию вступали больше сербы, чем хорваты, и именно сербы становились опорой новой власти. В 1945 г. сербы составляли 43% всех членов СКХ³⁹.

В Хорватии национальными меньшинствами считали итальянцев (33316 чел.), венгров (47711), чехов и словаков (33526). В 1951 г. в ЦК СК Хорватии была сформирована Комиссия по национальным меньшинствам. Серьёзных проблем с ними не было, хотя комиссия считала, что с венграми, чехами и итальянцами надо работу усиливать, т.к. они тяготеют

³⁷ Izveštaj instruktorskih grupa СК КПЈ о обиласку неких partijskih organizacija u Hrvatskoj 21. sept. 1946 g. // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. Бр. V.K-VI, јед. 12.

³⁸ Izveštaj instruktorskih grupa СК КПЈ о обиласку неких partijskih organizacija u Hrvatskoj 21. sept. 1946 g. // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. Бр. V.K-VI, јед. 3.

³⁹ Bilandžić D. *Hrvatska moderna povijest*. – Zagreb, 1999. – S.260.

к «старой» Югославии и с непониманием относятся к новой власти⁴⁰. Их характеризует национальный романтизм, патриотизм, боязнь ассимиляции. Поэтому работа была направлена на создание культурных обществ национальных меньшинств (в 1949 г. их было 57), открытие школ (в 1951/52 уч. году – 83), издательскую деятельность, подготовку радиопередач⁴¹.

По сообщениям Министерства внутренних дел Хорватии (1952), в Загребе после войны было много мусульман⁴². Причём их численность постоянно росла и составила в 1959 г. 10 тыс. человек⁴³. Часть из них составляли студенты, приехавшие учиться, и те мусульмане, которые жили в Хорватии давно. Они были лояльны власти и не вызвали у МВД опасения. Другую группу составляли «проушастешские» мусульмане, которые ещё до войны уехали из БиГ. Их считали врагами, поскольку они не изменили своих взглядов. К третьей немногочисленной группе отнесли религиозных фанатиков террористической организации «Молодые мусульмане». Они легально действовали во время войны, а теперь перешли на нелегальное положение и занимаются терроризмом против существующей власти. МВД Хорватии посчитало, что в пропаганде враждебности большую роль играет загребская мечеть, имам которой собирает вокруг себя враждебные мусульманские элементы и в проповедях критикует власть, общество, предвещает наступление «трудного периода».

Однако главную проблему в Хорватии составляли отношения не с национальными меньшинствами или мусульманами, а с сербами, которые ощущали себя государствообразующим народом наравне с хорватами. Отношения между сербами и хорватами в Хорватии явились главным национальным и политическим вопросом республики да и всей послевоенной федерации. По мнению хорватских коммунистов, в 1945 г. «Углубление братства и единства между сербами и хорватами до сих пор ещё не решённый вопрос»⁴⁴. В сентябре 1946 г. инструкторские группы скромно обратили внимание на то, что «отношения между сербами и хорватами не такие, какими должны были бы быть»⁴⁵.

⁴⁰ Izveštaj o radu sa nacionalnim manjinama u Hrvatskoj // Hrvatski državni Arhiv. F. 1220. СК SKH. Agitprop. Komisija za nacionalne manjine. Kut. 1.

⁴¹ Ibid.

⁴² Vjersko i političko djelovanje muslimana u Zagrebu // Hrvatski državni Arhiv. F. 1561 RSUP. Agitprop. Kut. 004.1.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Oblasni komitet KPH za Dalmaciju – Centralnom komitetu Komunističke partije Jugoslavije // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. Бр. V.K-XXI, јед. 26.

⁴⁵ Izveštaj instruktorskih grupa SKKPJ o obilasku nekih partijskih organizacija u Hrvatskoj 21. sept. 1946 g. // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. Бр. V.K-VI, јед. 1.

Положение не улучшилось и к 1950 г.: «Вопросам братства и единства между сербами и хорватами партийные организации не уделяют достаточного внимания. Они не видят, что это серьёзная проблема»⁴⁶. Так писали инструкторы, которые инспектировали партийные организации во всех районах Хорватии в 1950 г. Однако они заметили другое: сербы быстрее хорватов стремились в партию, их вдвое больше училось в партийных школах, они были лояльнее новой власти и непропорционально больше занимали руководящие должности в местных органах власти. Так, в 1950 г. сербы-коммунисты составляли 4,1% от численности населения Карловацкой области, а хорваты – 1,4%⁴⁷. В других срезам ситуация была похожей. Хорваты почти не вступали в партию. В некоторых хорватских сёлах не было вообще партийных организаций⁴⁸. Инструкторы, пытаясь объяснить и найти выход из столь нездоровой ситуации, в 1950 г. обращали внимание на «великосербские элементы», которые имеют ряд преимуществ, и на неправильное отношение коммунистов к хорватам⁴⁹. Проблема взаимоотношений сербов и хорватов в Хорватии продолжала оставаться актуальной ещё долгое время.

Подводя итог, напомним, что югославские коммунисты в первые послевоенные годы отодвигали национальный вопрос на второй план, учитывая сложность этих отношений в годы Второй мировой войны. Однако за становлением и упрочением партийных организаций Белград следил постоянно, начиная с лета 1945 г. В первую очередь инструкторские группы обращали внимание на организационные вопросы местных партийных ячеек, но избежать описания проблем, доставшихся от войны, не получалось. Поэтому записки много внимания уделяют экономическим трудностям, настроению людей, их отношению к новой власти. Там же мы находим и упоминания о межнациональных отношениях в республиках и приходим к выводу, что в послевоенной Югославии межнациональные проблемы проявлялись очень отчётливо, в основном возникали в республиках, где наряду с титульной нацией были и национальные меньшинства, прежде всего, албанцы (Черногория и Македония) и турки (Македония). На фоне непризнания новой власти и переплетения идеологических разногласий усложнялись отношения и между народами одной республики. Это особенно отчётливо видно в Македонии, БиГ, Хорватии.

⁴⁶ Там же. Jed. 13.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. Jed. 24.

⁴⁹ Там же. Jed. 12.

Јелена Гускова

ИЗВЕШТАЈИ ЦК КПЈ О СТАЊУ МЕЂУНАЦИОНАЛНИХ ОДНОСА
У РЕПУБЛИКАМА ЈУГОСЛАВИЈЕ У ПРВОЈ ДЕЦЕНИЈИ ПОСЛЕ ДРУГОГ
СВЕТСКОГ РАТА

Резиме

У чланку се на основу архивске грађе, извештаја инструкторских група ЦК КПЈ истражује стање међународних односа одмах после Другог светског рата у Босни и Херцеговини, Македонији, Црној Гори и Хрватској. Београд је стално пратио стање у партијским организацијама, почев од лета 1945. г. На првом месту инструкторске групе су обраћале пажњу на организациона питања локалних партијских ћелија, али нису успеле избећи опис послератних проблема. Белешке много пажње посвећују економским тешкоћама, расположењу људи, њиховим односима са влашћу. У тим документима можемо да нађемо и анализу међунационалних односа у републикама и долазимо до закључка да су у послератној Југославији међунационални проблеми означени веома јасно: у суштини настају у републикама, где заједно са већинским нацијама постоје и националне мањине, пре свега Албанци (Црна Гора и Македонија) и Турци (Македонија). Осим тога велики проблеми су настали између неколико народа једне републике. То се посебно јасно види у Македонији, БиХ, Хрватској.